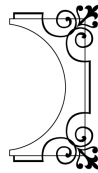

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Странствующий энтузиаст, из записной книжки которого берется этот фантастический рассказ в манере Калло, по-видимому, так мало отделяет свою внутреннюю жизнь от внешней, что едва можно различить границы той и другой. Но если ты и неясно видишь эти границы, любезный читатель, то все же тебя может прельстить этот духовидец, и ты незаметно очутишься в неведомом, очарованном царстве, странные образы которого тем не менее захотят войти в твою жизнь и быть с тобою запросто, как старые знакомые. От души прошу тебя, любезный читатель, чтобы ты принял их именно как таковых и, совершенно отдавшись их чарующему влиянию, охотно перенес бы некоторый страх, который они могут в тебе возбудить, если сильно тобой овладеют. Что же могу я еще сделать для странствующего энтузиаста, с которым в ночь накануне Нового года в Берлине случилось столько диких и странных вещей?

1. Возлюбленная

В сердце моем была смерть, ледяная смерть; исходя из души и из сердца, терзала она, точно острыми ледяными когтями, огнем налитые нервы. Забывши и шляпу,

и плащ, я дико бежал, устремляясь в бурную, мрачную ночь! Флюгера скрипели, казалось, что время видимо двигает свое вечное, страшное колесо и сейчас старый год, как великая тяжесть, обрушится в темную бездну. Ты ведь знаешь, что это время — Рождество и Новый год, которое вы все проводите в такой светлой, веселой радости, всегда выбрасывает меня из спокойного приюта в бушующее и волнующееся море. Рождество! Это праздничные дни, которые долго сияли для меня приветливым блеском. Я не могу их дожидаться: я лучше, я более похож на дитя, чем весь год, ни одной мрачной, ненавистнической мысли не питает моя грудь, открытая для истинной небесной радости; я снова мальчик, ликующий от счастья. Из пестрой золоченой резьбы в освещенной лавке улыбаются мне благодатные ангельские лица, и через шумную толпу на улицах несутся, точно будто издалека, священные звуки органа: «Сегодня родился Младенец!»

Но после праздника все смолкает, потухает свет, и водворяется темнота. С каждым годом падает все больше и больше увядших цветов, их зародыш замирает навеки, весеннее солнце не зажигает новой жизни в окоченелых ветвях. Все это я отлично знаю, но, когда год приходит к концу, какая-то враждебная сила беспрестанно ставит мне это на вид с злобной радостью. «Смотри, — шепчет она мне в уши, — смотри, сколько в этом году прошло перед тобой радостей, которые никогда не вернуться, но зато ты стал умнее и, мало держась за презренное веселье, становишься все более и более серьезным человеком без всяких радостей». Для новогоднего вечера черт приготовляет мне всегда совсем особенный праздник. Он умеет в известный момент со страшной насмешкой впиться острыми когтями в мое сердце и наслаждается видом крови, которая оттуда брызжет. Он везде найдет помощь, и вчера ему прекрасно сыграл в руку советник юстиции. У него (я разумею советника) собирается накануне Нового года большое общество, и для этого приятного вечера он желает всякому

сделать особое удовольствие, за что так глупо и неловко берется, что все веселое, что он с трудом измышляет, переходит в комическое неудовольствие.

Когда я вошел в переднюю, советник быстро пошел мне навстречу, предупреждая мой вход в святилище, где дымился чай и тонкий фимиам. Он хитро и весело поглядывал, улыбаясь мне как-то очень странно и говоря:

— Дружок, дружок, вас ожидает в той комнате нечто удивительное, неожиданность, достойная новогоднего вечера, вы только не пугайтесь!

Сердце у меня упало, во мне зашевелились мрачные предчувствия, и я почувствовал себя совершенно несчастным и грустным. Дверь отворилась, я быстро пошел вперед, вошел в комнату, и среди дам, сидевших на диване, блеснул мне навстречу ее образ. Это была она, она, которую я не видел уже много лет; в душе моей сверкнули в могучем, пламенном луче блаженнейшие минуты моей жизни; нет больше смертельной утраты, мысль о разлуке исчезла!

Каким чудом попала она сюда? Какой случай привел ее в общество советника, тогда как я не слыхал, чтобы он когда-либо был с нею знаком? — я не думал об этом: она снова была со мной! Я стоял неподвижный, будто пораженный волшебным ударом; советник тихонько толкнул меня:

— Ну, что, дружок?

Машинально пошел я дальше, но видел одну ее и из стесненной груди моей с трудом вылетели слова: «Боже мой, Боже! Юлия здесь?» Я стоял у чайного стола, и тогда только Юлия меня увидала. Она поднялась с места и сказала, почти как чужая:

— Очень приятно видеть вас здесь, у вас прекрасный вид!

Тут она снова села и спросила сидящую рядом с ней даму:

— Можно ли ожидать, что на той неделе будет что-нибудь интересное в театре?

Ты подходишь к роскошному цветку, сладостный запах которого сияет тебе навстречу, но едва ты нагнулся, чтобы ближе рассмотреть милый лик, из сияющих лепестков выползает холодный, скользкий василиск и хочет убить тебя своим враждебным взглядом. Это самое случилось со мной. С дурацким видом раскланялся я с дамами, и, чтобы завершить ядовитое еще и смешным, я, быстро отступивши назад, вышиб из рук стоявшего за мной советника чашку горячего чая, разлив ее прямо на его тонко сложенное жабо. Много смеялись над его несчастьем и еще больше над моей глупостью. Так все сложилось вполне дурацким образом; но я вооружился покорным отчаянием. Юлия не смеялась, мой блуждающий взор упал на нее, и точно меня коснулся луч дивного прошлого из жизни, полной любви и поэзии. Тут кто-то в соседней комнате стал фантазировать на фортепиано; это привело все общество в движение. Говорили, что это приезжий виртуоз по имени Бергер, который божественно играет, и его надо внимательно слушать.

— Не стучи так ужасно чайными ложками, Минхен! — воскликнул советник и, мягким движением руки указывая на дверь, нежно проговорил: — Eh bien! — приглашая дам приблизиться к виртуозу.

Юлия тоже встала и медленно пошла в другую комнату. Во всей ее фигуре было что-то чуждое. Она казалась мне выше, и красота ее стала роскошнее прежнего. Странный покрой ее белого платья с богатыми складками, только наполовину прикрывавшими ее плечи, грудь и затылок, и с пышными рукавами, доходившими до локтя, — волосы, расчесанные спереди на две стороны и странно сложенные сзади в множество мелких косичек, — все это придавало ей что-то средневековое, она имела почти такой вид, как женщины на картинах Миериса, и мне все казалось, что я где-то ясно видел своими глазами то существо, в которое превратилась Юлия. Она сняла перчатки, и замысловатые браслеты, обвитые вокруг сгиба ее кисти, еще больше спо-

собствовали тому, чтобы это полное сходство живее и ярче вызвало след какого-то темного воспоминания.

Прежде чем войти в соседнюю комнату, Юлия повернулась ко мне, и мне показалось, что ее ангельски прекрасное, молодое, прелестное лицо искривилось злобной насмешкой. Во мне шевельнулось что-то ужасное, точно какая-то борьба, судорожно сжимавшая все мои нервы.

— О, он дивно играет! — прошептала около меня барышня, воодушевленная сладким чаем, и я сам не знаю, как рука ее повисла на моей и я ее повел или, вернее, она повела меня в соседнюю комнату. Как раз в это время Бергер изобразил бушевание самого дикого урагана; как грохочущие морские волны, вставали и опускались могучие аккорды; это меня облегчило! Около меня стояла Юлия и говорила мне сладким, ласкающим голосом:

— Я бы хотела, чтобы ты сидел за фортепиано и нежно пел мне о прошлом счастье и надежде!

Враг оставил меня, и в едином имени: Юлия! — я хотел выразить все небесное блаженство, которое в меня вселилось... Но другие входящие лица отделили ее от меня. Она заметно меня избегала, но мне удавалось то дотронуться до ее платья, то вблизи ее упиваться ее дыханьем, и в тысяче ослепительных красок проходила мимо меня весна моей жизни.

Бергер заставил смолкнуть бурю, небо прояснилось, и, как золотые утренние облачка, понеслись нежные мелодии, тая и расплываясь в *pianissimo*. Виртуозу достался на долю вполне заслуженный успех, общество расходилось по комнатам, и я незаметно очутился прямо около Юлии. Дух мой окреп, я хотел удержать ее и обнять с безумной мукой любви, но между нами протиснулось проклятое лицо слуги, который, держа большую тарелку, противно крикнул: «Вам угодно?» Среди стаканов с дымящимся пуншем стоял изящно отшлифованный бокал, по-видимому, полный того же напитка. Как очутился между простыми стаканами этот, знает лучше всего тот, кого я всегда умею

узнать, как Клеменс в Октавиане; он делает на ходу приятный завиток одной ногой и особенно любит красные плащи и перья. Юлия взяла в руки тонко отшлифованный и странно сверкавший бокал и протянула его мне, говоря:

— Так ли охотно, как прежде, возьмешь ты стакан из моих рук?

— Юлия, Юлия! — вздохнул я. Берясь за бокал, я дотронулся до ее нежных пальцев, огненная электрическая искра прошла по всем моим жилам, я пил, пил, — мне казалось, что голубые огоньки вспыхивают и лижут бокал и мои губы. Бокал был осушен, и я сам не знаю, как случилось, что я сидел на оттоманке в кабинете, освещенном только одной алебастровой лампой, и Юлия, Юлия сидела рядом со мной, смотря на меня с той же детской чистотой, как бывало прежде.

Бергер снова сидел за фортепиано, он играл *Andante* из дивной *C-dur*ной моцартовской симфонии, и на лебединых крыльях песни носились и поднимались вся любовь и радость солнечной поры моей жизни. Да, это была Юлия, сама Юлия, прекрасная и кроткая, как ангел; наш разговор — тоскливая любовная жалоба — был скорее во взглядах, чем на словах; ее рука покоилась в моей.

— Теперь я никогда тебя не оставляю, твоя любовь — это искра, которая горит во мне, воспламеняя высшую жизнь искусства и поэзии; без тебя, без твоей любви все мертво и безмолвно, — разве ты не потому пришел, что ты вечно будешь моим?

В эту минуту около нас закачалась дурацкая фигура с паучьими ногами и торчащими жабьими глазами и, противно визжа и глупо улыбаясь, воскликнула:

— Куда это запропастилась моя жена?

Юлия поднялась и сказала чужим голосом:

— Не пойдем ли мы в зал? Мой муж меня ищет... Вы были очень забавны, мой милый, в том же духе, как прежде, только будьте осторожней насчет вина!

И человек с паучьими ногами схватил ее за руку; она, смеясь, последовала за ним.

— Утрачена навеки! — закричал я.
— Да, конечно, кодилья¹, милейший! — проблеяло какое-то животное, игравшее в ломбр.
Прочь, прочь бежал я, туда, в лоно бурной ночи.

2. КОМПАНИЯ В ПОГРЕБКЕ

Гулять по Унтер-ден-Линден могло бы быть очень приятно, но не накануне Нового года, в изрядный мороз и вьюгу. Я заметил это наконец, будучи без плаща и с открытой головой, когда после лихорадочного жара наступил ледяной холод. Я прошел через Оперный мост к Шлоссу, обогнул его и перешел через Шлюзный мост около Монетного двора. Я был на Егерштрассе прямо около Тирмановой лавки. Там горели в комнатах приветные огни; я хотел уже туда войти, потому что сильно прозяб и мне нужно было хорошенько хлебнуть чего-нибудь крепкого; оттуда как раз выходило какое-то очень веселое общество. Они говорили о великолепных устрицах и прекрасном вине эйльфер.

— Прав был тот, — воскликнул один из них (я заметил при свете фонаря, что это был стройный улан), — прав был тот, который в прошлом году в Майнце ругал этих проклятых молодцов, которые в 1794 году не хотели расстаться с эйльфером.

Все громко расхохотались. Я невольно прошел несколько шагов вперед и остановился перед погребком, где освещено было только одно окно.

Не чувствовал ли себя однажды шекспировский Генрих таким усталым и смиренным, что вспомнил про беднягу английское пиво? Право, со мной случилось то же самое, мой язык жаждал бутылки хорошего английского пива. Я быстро спустился в погребок.

— Что угодно? — спросил хозяин, приветливо снимая фуражку.

---

¹ К о д и л ь я — один из терминов игры в ломбр.

Я потребовал бутылку хорошего английского пива и трубку хорошего табаку и вскоре погрузился в такое дивное филистерство, что сам черт почувствовал почтение и оставил меня. О, советник юстиции! Если бы ты видел, как я ушел из твоей светлой чайной комнаты и опустился в темный погребок, ты бы имел полное право отвернуться от меня с гордым видом и пробормотать: «Нет ничего удивительного, что такой человек портит тончайшие жабо!» Без шляпы и без плаща я должен был производить несколько странное впечатление. У хозяина вертелся на языке вопрос, но тут постучали в окно и чей-то голос крикнул:

— Отворите, отворите, это я!

Хозяин вышел и вскоре вернулся, неся в руках две высоко поднятые свечи; за ним шел очень высокий, стройный человек. Он забыл наклониться перед низкой дверью и стукнулся об нее головой; но черная шапка в форме берета, которую он носил, предостерегла его от ушиба. Он прошел, как-то странно держась по стенке, и сел против меня, причем свечи были поставлены на стол. Про него можно было сказать, что он имеет знатный и недовольный вид. Он брезгливо потребовал пива и трубку и сейчас же распространил такой дым, что скоро мы оба плавали в облаках. Впрочем, в его лице было что-то настолько характерное и привлекательное, что, несмотря на его мрачность, я сейчас же его полюбил. Его густые черные волосы были разделены надвое и падали с двух сторон целым каскадом мелких кудрей, так что он напоминал картины Рубенса. Когда он откинул большой воротник своего плаща, то я увидел, что на нем надета черная куртка, расшитая шнурами, но мне очень понравилось, что сверх сапог у него были надеты тонкие туфли. Я заметил это, когда он выкопачивал трубку, которую выкурил в пять минут.

Разговор у нас что-то не клеился; незнакомец был, по видимому, очень занят теми редкими растениями, которые он вынул из бюксы и с удовольствием рассматривал. Я выразил свое удивление по поводу прекрасных растений

и, видя, что они только что сорваны, спросил его, где он их взял: в ботаническом саду или у Боухера. Он довольно странно улыбнулся и ответил:

— Ботаника, очевидно, не по вашей части, а то бы вы не стали так...

Он запнулся, а я тихонько шепнул:

— Глупо — спрашивать, — закончил он откровенно. — Вы бы сразу узнали альпийские растения, — добавил он, — да еще такие, которые растут на Чимборасо.

Последние слова незнакомец сказал тихо, только для себя, и ты можешь себе представить, как странно я себя почувствовал. Всякие вопросы замерли на моих губах; но в душе моей все больше и больше шевелилось какое-то предчувствие, и мне казалось, что я раньше не столько видел, сколько воображал себе этого незнакомца.

Тут снова постучались в окно, хозяин отворил дверь, и чей-то голос крикнул:

— Будьте так добры, завесьте зеркало!

— Ага! — сказал хозяин. — Поздно же пришел генерал Суворов!

Хозяин завесил зеркало, и в комнату впрыгнул с какой-то неловкой подвижностью — я сказал бы: с неуклюжим проворством — маленький, сухой человек в плаще какого-то странного коричневого цвета. Пока человек этот прыгал по комнате, плащ обвивался вокруг его тела каким-то совсем особенным образом, составляя множество складок и складочек так, что при блеске свечей это имело почти такой вид, как будто выходит много фигур, образуясь друг из друга, как в энслеровых фантазмагориях. При этом он потирал руки, спрятанные в широких рукавах, и восклицал:

— Холодно! Холодно! О, как холодно! в Италии теперь не то, совсем не то! — Наконец, он уселся между мной и высоким человеком, говоря: — Какой ужасный дым! табак против табака! если бы у меня была хоть щепотка!

У меня в кармане была отшлифованная, как зеркало, стальная табакерка, которую ты мне когда-то подарил; я

сейчас же вынул ее и хотел предложить маленькому человеку. Но едва он ее увидел, как закрыл ее обеими руками и, отталкивая от себя, закричал:

— Прочь, прочь, проклятое зеркало!

В его голосе было что-то ужасное, когда же я с удивлением на него посмотрел, он стал совершенно другим. Он вошел в комнату с приятным, молодым лицом, а теперь уставилось на меня смертельно-бледное, увядшее, испуганное лицо старика с выцветшими глазами. Я в ужасе повернулся к высокому человеку. «Ради бога, посмотрите!» — хотел я крикнуть, но тот не принимал во всем этом никакого участия и был весь погружен в свои чимборасские растения; в эту минуту другой потребовал «северного вина», как он выражался.

Мало-помалу разговор оживился. Маленький человек был мне все-таки очень неприятен, но высокий умел сказать много глубокого и прекрасного о всякой, казалось бы, незначительной вещи, несмотря на то что он, по-видимому, боролся со своей речью и не раз вставлял неподходящее слово; но это только придавало его разговору смешную оригинальность, и, таким образом, становясь все более и более близким моей душе, он смягчал неприятное впечатление маленького человека. Тот был точно весь на пружинах, он вертелся на стуле во все стороны и сильно размахивал руками. Глядя на него, я чувствовал, как по телу у меня пробегает ледяная струя, так как ясно видел, что у него было точно два различных лица. Особенно часто принимал он вид старика, глядя на высокого человека, приятное спокойствие которого составляло странный контраст с его подвижностью, но он посмотрел на него не так страшно, как тогда на меня.

В маскарадной игре земной жизни дух человека часто смотрит светящимися глазами из-под маски, узнавая родственную душу; могло быть, что и мы, повстречавшись в погребке, узнали друг друга таким же образом. Наш разговор впал в то настроение, которое проистекает из глубоко, смертельно оскорбленного чувства.

— В этом тоже есть свои зацепки, — сказал высокий.

— Ах, боже мой, — перебил я, — черт везде устроил для нас зацепки: в комнатных стенах, в лавках, в розовых кустах, и везде-то мы оставляем кое-что из нашего драгоценного «я». Мне кажется, почтенный, что со всеми нами случилось нечто в этом роде, мне в эту ночь как раз недоставало плаща и шляпы. И то и другое висит, как вам известно, на крючке в передней советника юстиции!

Высокий и другой маленький человек заметно вздрогнули, будто в них попал неожиданный выстрел. Маленький посмотрел на меня своим безобразным, старым лицом и затем сейчас же вскочил на стул и сильнее натянул покров на зеркало, а высокий заботливо поправил свечи. Разговор с трудом возобновился; упомянули о славном молодом художнике Филиппе и о портрете одной принцессы, который он сделал в духе любви и благочестивого стремления к высокому, внутреннему ему глубокой святостью чувств его госпожи.

— Удивительное сходство, — сказал высокий, — это не портрет, а картина.

— Да, это так верно, — сказал я, — точно будто украдено у зеркала.

Тут маленький человек со старым лицом дико вскочил с места и, уставившись на меня сверкающими глазами, закричал:

— Это глупо! Это бессмысленно! Кто может красть картины у зеркала?.. Кто это может? Ты, может быть, думаешь, что черт?.. Ого, братец! он разбивает стекло своими дурацкими когтями, и нежные, белые ручки образа женщин тоже бывают поранены и в крови. Это глупо! Ну-ка, покажи мне зеркальную картину, картину, украденную у зеркала, и я прыгну вверх на сто сажен нарочно для тебя, печальный малый!

Тут высокий человек поднялся, подошел к другому и сказал:

— Не трудись по-пустому, мой друг, а не то полетишь с лестницы, это будет иметь плохой вид при твоём-то отражении в зеркале.